МУДАКИ

«Синюшные лица авангарда старого слоя рабочего класса отнюдь не являются однозначным синонимом угарного пьянства, это в целом порождение образа жизни. И в нём всё — и то, и это, и плохая еда. Нелепый секс. Рефлексия, не имеющая выхода в культурное пространство, а только в анекдоты и похабные частушки».

Примерно так Матвей начал свою статью о морали позднесоветского периода в городской среде в целом и среди рабочих в частности.

Матвей был нетерпелив и сладострастен. Часто это давало неожиданные флуктуации в личных отношениях и лишало их будущего. Спешка — она хороша при ловле блох, вспомнил Матвей классиков, а может, и не вспомнил, просто навеяло из эфира.

Он трудился третий год над диссертацией в очной аспирантуре, потому что такие были условия для продолжения карьеры в издательстве отца. Он не хотел быть издателем, но денег хотел. Он был тощий, высокий и нелепый. Нужны, очень нужны были деньги. Молодость прошла, вылезли первые болячки, девушки не очень-то любили, и вот так, вот всё одно к одному состоялось. Он стал аспирантом

в том же вузе, где учился,— на кафедре, на которой защищал диплом. А куда было идти-то?

Жанна — совсем другое дело. Целеустремлённая. Красивая. Без пяти минут профессор. Кто-нибудь из старых хрычей уйдёт — и она первая в очереди на смену. Хотя и очереди особой нет, но она первая. Ждёт не дождётся. Подруги её боялись. Говорили, что она ведьма. Правда, больше для смеха говорили, но не все: некоторые верили всерьёз. Она была замужем за человеком по имени Павел. Этот брак был случайным продолжением её бесконечных экспериментов и был сознательным поступком для переключения внимания с мужиков на карьеру. Хотя «мужики — это тоже карьера»,— сказала ей одна из подруг, когда Жанна ответила на недоуменный вопрос: «Ну, я понимаю — замуж, но почему он?»

Павел был простой, надёжный, бесхитростный — впрочем, это одно и то же. Он был инженером. Просто инженером. Не айтишником, не строителем — инженером в Горном институте. Вот так.

Неожиданно пришла весна. Матвей встретил Жанну на вечеринке у знакомого преподавателя. Жанну привела подруга — её и этого знакомого Матвея. Она понравилась ему, и это было понятно. Он понравился ей, и это было непонятно. У неё вроде всё было расписано на годы вперёд, и интрижки не входили в это расписание. С другой стороны, планы на то и планы, чтобы их менять.

Завязался весенний роман — прям такой майский, искромётный и искренний. Несмотря на отключения интернета, которые становились всё чаще, и трудности работы с материалами и с размещением статей, они работали. Вернее, их отношения позволили не обращать на это должного внимания. Это было мелко для них сейчас — в эпоху космических чувств.

Матвей игнорировал рекомендации показать готовый материал на кафедре и разместил статью с результатами как обязательную публикацию для

диссертации на ресурсе, который ещё вчера был разрешённым, а когда статья вышла, оказался недружественным. Его мягко пожурили на кафедре и сдвинули сроки защиты.

Матвей был недоволен, капризен и высказал всё это своему отцу. Отец был терпелив и внимателен к деталям. Обещал повыяснять у знакомых. Печатались у него разные влиятельные персонажи — под псевдонимами. Очень любили теорию знаков. Нет ничего более параноидального, чем конспирология знаков, считал Матвей, и ПаПа не всегда соглашался с ним. Матвей звал отца ПаПа — именно так, на два ударных слога.

— Ты должен понять,— говорил он Матвею,— что этот мир устроен так, а не иначе, именно потому, что держится на знаках. Машины не бьются на дорогах из за того, что водители соблюдают правила — смотрят на знаки. Это спасает их. И это спасает нас в обществе — мы смотрим на знаки. Не смотрят одни мудаки.

Матвей очень любил ПаПа, а знаки не любил и в теорию эту не верил. Отцу верил. А ПаПа — нет. Вот такое раздвоение натуры.

Между тем весна закончилась, бурный роман стал спокойнее и по летнему ленивее. Жанна получила кафедру, стала профессором (или наоборот — не в этом суть). Времени для встреч стало меньше. Её муж получил анонимку про наличие у неё любовника. Он оказался ещё проще, чем казалось, и избил её. Жанна до осени пролежала в больнице. Матвею велела не появляться. С мужем разобралась — подала в суд. Дело завертелось. Побои были зафиксированы, заявления написаны. Павел, который муж, приходил извиняться. Каждый день стоял под окнами палаты. Она его не простила. Он плакал, просил не требовать развода.

Начался суд. Адвокат посоветовал Павлу подписать контракт, иначе он может сесть надолго,

и познакомил с майором из призывной комиссии. Павел подписал — с отправкой через месяц. Суд приостановил производство по ходатайству майора.

Тем временем жизнь шла и у Матвея. Отец пошуршал связями, и невод выдал пёструю картину улова. Информация была разная, но сводилась к одному: Матвей привлёк внимание органов в связи с публикацией — вернее, с её содержанием. Рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела.

— Вот как то так,— сказал отец.

— Что делать, ПаПа? — спросил Матвей.

— Надо думать,— сказал отец.— Мне намекают, что если не разрулим, у бизнеса моего могут начаться проблемы.

— И?

— Есть один суровый вариант — ты его знаешь, мы обсуждали уже.

— А другой какой?

— Уехать. Всё продать и уехать.

— Ты разве способен на такое? — руки Матвея дрожали, он перебирал ими волосы.

— Я на многое способен, я же ПаПа,— отец засмеялся.

— Но это же разрушит всё, что у нас есть.

— Да.

— А что говорят знаки? Якобсон молчит?

— Знаки говорят, лингвист ты мой, что хорошего спереди нет, а из боковиков я выбирать не умею и не хочу. Поэтому мы уезжаем.

— Такие жертвы!

— Никаких жертв. Жизнь предполагает жизнь в сложившихся обстоятельствах. А жертвы — это ошибки предыдущих обстоятельств, которые мы тащим за собой как незакрытые гештальты.

— Много слов. Значит, без сожалений?

— Без.

Он хотел попрощаться с Жанной. Она не хотела встречаться, считала, что не готова. Косметология

ещё не всё привела в порядок. Да и хромота не совсем прошла. Павел ей, оказывается, повредил сустав. В общем, встреча не получалась. Тогда Матвей сказал, что уезжает. Совсем.

Жанна сказала:

— Тебе не стоит уезжать. А впрочем… удачи.

Он удивился холодности, она удивилась горячности, ведь уезжать уже не модно.

Слово за слово, они становились всё дальше друг от друга. Сеть раскалилась, а потом не выдержала и разъединила их. Или кто то отключился. Неважно.

На паспортном контроле Матвею сказали, что ему выезд запрещён. Не пустили. Отец улетел один. Когда он вернулся, Матвей встречал его в аэропорту.

— Какие варианты?

— Там хорошо.

— Понятно, но мне не попасть туда.

— Значит, придётся тут.

— Как?

— Тебя посадят рано или поздно. Или надо идти на контракт и пытаться выжить.

— Странный способ, ты не находишь?

— Нахожу. И что?

— Логика.

— Знаки — они опрокидывают логику. Они просто знаки. Ты идёшь туда или туда. Это просто знаки твоего будущего. Они открытые. Я, кстати, знаю нужного человека.

— Давай,— Матвей уже смирился.— Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Они смотрели друг на друга и понимали, и прощали, и опять не принимали. Время стало ощущаемым.

— Давай,— повторил Матвей, когда уже хотел отказаться и оставить всё как есть — на волю случая.

И отец дал Матвею телефон майора.

Ну вот, всё время знаки и знаки. Павел и Матвей оказались на одном призывном пункте в одно время и отправлены были в одно и то же место. Вы скаже-

те — знак? Нет, это просто совпадение. Тут знак — это Жанна, а всё остальное — случайность. Выхода нет, а жизнь есть. Ну и как тут быть? Надо как то жить.